

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ REFLECTIONS, COMMUNICATIONS, COMMENTS

DOI: 10.31249/rsm/2023.04.11

А.В. Гордон

БЫТЬ СОБОЙ В ЭПОХУ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ. О ЛИЧНОСТИ П.А. КРОПОТКИНА В НОВЕЙШЕЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация. Личность выдающегося политического и общественного деятеля России многократно становилась предметом исследования, изобилуя противоречивыми оценками. Книга В.В. Дамье и Д.И. Рублева «Петр Кропоткин. Жизнь анархиста», представляя последнее слово в отечественной кропоткинистике, оставляет пространство для размышлений. Что побудило отпрыска знатного рода стать на революционную стезю, а потом на волне популярности в анархистском движении выступить защитником национальной государственности? Авторы ищут ответа, добросовестно реконструируя этапы жизненного пути Кропоткина в ипостасях революционера и анархиста. Однако многогранность этой личности требует ставить вопрос шире, выдвинув вперед мировоззренческие аспекты, собственно трактовку исторического процесса, в которой характерный для естествоиспытателя эволюционизм переплетался с цикличностью, поступательность общественного прогресса соседствовала с катастрофизмом. Исключительную роль в формировании мировоззрения играл индуктивный метод. Идея к обобщениям от эмпирических наблюдений, Кропоткин добился замечательных успехов при географическом исследовании Сибири и Дальнего Востока. Применялся этот метод и при выработке политической позиции, которая менялась в зависимости от ситуации. В 1914 г. Кропоткин выступил в защиту Франции от германской агрессии, оценивая вклад страны в европейскую цивилизацию и революционный потенциал. В 1917 г. поддержал Временное правительство, отстаивая необходимость национального единства для защиты революционных завоеваний и спасения России от агрессии. Диктатура большевиков и политика «военного коммунизма» углубили понимание Кропоткиным переходного периода к социализму признанием фундаментального значения демократических ценностей и институтов. Профсоюзы, кооперация, федерализм сделали кредо заключительного периода жизни.

Ключевые слова: П.А. Кропоткин; А.А. Боровой; анархизм; социализм; эволюционизм; индуктивный метод; Пажеский корпус; география Сибири; Первая мировая война; Великая французская революция; Российская революция 1917 г.; Советская власть.

Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института научной информации
по общественным наукам РАН. Россия, Москва.
E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru
Scopus Author ID: 57193746873

Gordon A.V. On being yourself in an era of wars and revolutions: Piotr Kropotkin's personality in the modern interpretation

Abstract. *The personality of the great political and public figure of Russia Piotr Kropotkin has been a subject of much research, replete with contradictory judgments. The book by V.V. Danye and D.I. Rublev «Piotr Kropotkin. Life of an Anarchist», is the latest example of Russian «Kropotkin studies», raising some questions to reflect upon. What prompted the offspring of a noble family to embark on a revolutionary path, and then, on the wave of popularity in the anarchist movement, to advocate for national statehood? Biographers seek answers, faithfully reconstructing the stages of Kropotkin's life journey in the roles of revolutionary and anarchist. However, the multifaceted nature of this personality requires to pose a wider question, bringing forward his worldview aspect and actual interpretation of historical process, in which the evolutionism pertaining to a naturalist was intertwined with historical cyclicism; the ongoing steps of social progress coexisted with catastrophism. The inductive method played an exceptional role in shaping his worldview. Going to generalizations from empirical observations, Kropotkin made remarkable progress in the geographical study of Siberia and the Far East. This method was also applied in the development of his political positions, which varied depending on the situation. In 1914. Kropotkin spoke in defense of France against German aggression, assessing the country's contribution to European civilization and revolutionary potential. In 1917 he supported the Provisional Government, advocating necessity of the national union to defend the revolutionary gains and Russia itself against aggression. The Bolshevik dictatorship and the policy of «war communism» deepened Kropotkin's understanding of the transitional period to socialism by recognizing the fundamental importance of democratic values and institutions. Trade unions, cooperation, and federalism became the credo of the final period of his life.*

Keywords: *P.A. Kropotkin; A.A. Borovoj; anarchism; evolutionism; inductive method; Corps of pages; geography of Siberia; World war I; French revolution; Russian revolution 1917; Soviet power.*

Gordon Alexander Vladimirovich – Institute of Scientific Information
for Social Sciences, Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru
Scopus Author ID: 57193746873

Выход в свет капитального труда о Кропоткине ознаменовался эмоциональными откликами в медиапространстве, в которых восприятие личности выдающегося ученого, мыслителя, революционера, соединилось с оценкой реконструкции его жизненного пути авторитетными исследователями российского и международного анархизма В.В. Дамье и Д.И. Рублевым. Энциклопедический масштаб издания, стремление авторов выявить все обстоятельства многотрудной и драматической жизни классика анархизма, опираясь на предельно широкий круг разнообразных источников, были замечены и оценены комментаторами. Книга систематизирует «лавину фактов, событий и персонажей, составляющих жизнь Кропоткина», – отзывался обозреватель «Коммерсанта» [Мокроусов 2022, с. 11].

В фокусе перекрестных мнений оказалось то, что комментатор «Известий» Лидия Маслова с юмором назвала «петровским пассажем» [Маслова 2022]. Точнее, речь зашла о двух «пассажах» – о том, как потомок основателей российской государственности стал ее ниспровергателем, а затем в ходе Первой мировой войны сделался ее защитником – уже будучи признанным «антиэтатистом», антагонистом всякой государственности. Комментаторы отмечали, что столь драматический поворот не мог не отразиться в его освещении, и желание авторов уклониться от окончательных оценок не устранило противоречий в реконструкции жизненного пути и личности их героя. Любопытно наблюдение обозревателя сайта «Горький» о несоответствии симпатий авторов к Кропоткину предложенному в книге «анархистскому дискурсу» [Гранд 2022].

Книга написана в перспективе мультидисциплинарного направления исследований, бурно развивавшегося в постсоветский период и получившего название «анарховедения»¹. Выявляя дискуссионные вопросы истории анархизма в мировой науке, противоречивые оценки жизни и деятельности его виднейшего представителя, наконец сложность эволюции самого Кропоткина, авторы бесспорно способствуют углубленному восприятию и всесторонней оценке этой эволюции. Однако насколько плодотворно в реконструкции столь многогранной личности («космос» [там же]) средоточие на одной ипостаси революционера-анархиста?

Биографы нашли тонкую и, думаю, точную интонацию в оценке личности Кропоткина: его «искусство оставаться собой, жить по собственным убеждениям, жить полно и ярко. И если надо – плыть против течения» [Дамье, Рублев, 2022, с. 10]. То было выражением самой натуры. И порой признанный анархистским движением классик позволял себе в принципиальных

---

1. По подсчетам П.И. Галерова, число публикаций по анархизму с середины XIX в. по 2006 г. составило около 8300, тогда как с 2007 до 2022 г. превысило 6 тыс. [Апология с. 8].

вопросах выступать против последнего, что обнажает уязвимые точки «анарховедческого» подхода.

Спорные вопросы кропоткинистики начинаются с обстоятельств вступления князя-рюриковича на революционную стезю. Поскольку над биографами тяготеет ретроспективная предопределенность, уже в детстве Кропоткина ищут истоки разрыва с установленным порядком. Обладая развитой эмпатией, Петр сострадал дворовым, становившимся жертвами барского произвола; притом и он, и старшая сестра Елена в своих воспоминаниях приводят единичные случаи. Больше осложняли их детство семейные коллизии: ранняя смерть мамы, отношения с мачехой, суровость отца [Кравченко 2023; Кропоткин 1988]. Но было у Пети и другое: дружба с братом-сверстником, пробуждение страсти натуралиста, первая любовь, отразившаяся в дневнике записью о желании остаться в родимых местах. С ностальгическим чувством вспоминал Петр Алексеевич родительский дом.

Неоправданна негативная односторонность в освещении пребывания будущего революционера в Пажеском корпусе. Среди выпускников этого привилегированного учебного заведения А.Н. Радищев, немало декабристов, включая П.И. Пестеля [Киянская 2006], видные государственные деятели Н.Н. Муравьев-Амурский, Я.И. Ростовцев, М.В. Родзянко, военачальники Д.С. Дохтуров, И.Ф. Паскевич, А.А. Брусилов. Сетования Кропоткина на казарменную обстановку понятны, она мешала занятиям самообразованием. И нет сомнения, Кропоткин превосходил однокашников в своем развитии. Однако стоит прислушаться к мнению брата, выпускника Московского кадетского корпуса: «Напрасно ты так свысока смотришь на корпусное образование. При старании, поверь мне, ты вынесешь очень много полезных сведений из корпусных стен»². «Вынесу все, что может быть мне полезным, – отвечал Петр брату, – вынесу довольно много, но все-таки этого слишком мало»³.

Образование, полученное в корпусе, включало овладение математическими методами, которое понадобилось в сибирских экспедициях, как и занятия практической астрономией, геодезией. Пригодились уроки рисования и черчения. А еще были знакомство с предметами естественно-научного цикла, знание иностранных языков (немецкий, французский), отличное преподавание русской литературы. Петр Алексеевич не собирался быть кадровым военным, и его военная служба была недолгой; однако в оценке обстоятельств Русско-японской и Первой мировой войн очевидна эрудиция военного.

Снискал Петр уважение воспитанников, даже попытался выпускать с ними журнал. Оказался в корпусе на хорошем счету, рвение и способности сде-

---

2. Александр Петру 26 февраля 1860 г. [Переписка т. 1, с. 185].

3. Петр Александру 28 марта 1860 [Переписка т. 1, с. 187].

лали его первым учеником, в звании фельдфебеля стал камер-пажом императора. Ему прочили блестящие перспективы при дворе, и от поездки в Сибирь отговаривали многие, начиная с руководства. В решении уехать выявляются различные мотивы, среди которых немало значили материальные расчеты: без дотации отца поступление в военную академию либо в университет, чего больше желал выпускник Пажеского корпуса, было затруднительным. Угнетал петербургский климат, овладевала страсть к путешествиям. Но, пожалуй, решающим можно считать стремление вырваться из той среды, что мешала его развитию и полноценной реализации. Кропоткин «предпочитает “настоящую” работу на далекой окраине России праздной и пустой жизни гвардейского офицерства в столице» [Переписка 1933 т. 2, с. 7], – отметил И.Т. Смилга в предисловии к переписке братьев Кропоткиных.

Некорректными представляются односторонние оценки значения сибирского периода в формировании взглядов и самой личности Кропоткина. Образцом недопонимания может служить суждение А.А. Борового: «Сибирь на этот раз из белой кости патентованного дворянчика сумела отлить великого революционера» [Дамье, Рублев 2022, с. 77]. Классик посткропоткинского анархизма – яркая личность, заслуженно привлекающая в последнее время внимание исследователей⁴. И, в частности, Боровой очень ярко описал обретение анархистского мироощущения в просветлении, постигшем его на скамейке Люксембургского сада в Париже⁵.

У Кропоткина в Сибири тоже нередко случались озарения, но совсем иного рода. По очертаниям горной вершины ему открылось, что впереди потухший вулкан, о существовании которых в той местности никто не писал. А увиденные ледниковые отложения дали толчок к концепции ледникового периода. Буквально прозрел начинающий географ, увидев расположение горных хребтов в Южной Сибири. Но то была не интроспекция, как у Борового, а эмпирическое познание («индуктивный метод»), в котором исследование внешнего мира включает обобщение результатов наблюдений и экспериментов. И к революционному анархизму Кропоткин шел опытным путем, отправляясь от наблюдений за внешней средой.

Что же было с Кропоткиным в Сибири, что дало пребывание на окраине Российской империи будущему ниспровергателю? Столичному интеллигенту воочию предстала российская глубинка. Знакомому по литературе с положением английских рабочих в условиях промышленной революции довелось увидеть каторжный труд работников золотых приисков, жалкое существование сплавщиков. А для профессионального становления ученого-географа

---

4. См. библи.: [Рублев, Рябов 2011, с. 221–222].

5. См. фрагменты неопубликованных воспоминаний Борового в предисловии П.В. Рябова [Боровой 2019].

характерны наблюдения о быте и верованиях местных народностей. Отметил он относительное преуспевание среди русских крестьян-переселенцев, их чувство собственного достоинства. Выделил трудолюбие китайских крестьян, задумался о специфике трудоинтенсивного земледелия [Кропоткин 1983].

Кропоткин овладел искусством общения с простыми людьми, что крайне понадобилось, когда он стал агитатором в рабочих кварталах. В перипетиях сибирской жизни развивался его исключительный дар привлекать сердца людей независимо от их происхождения и социального положения, чувствовать себя естественно в любой среде: от дворцов до жилищ бедноты.

А формированию его взглядов в революционно-анархистском направлении способствовал опыт государственной службы. Кропоткин оказался «винтиком» бюрократического аппарата империи, став адъютантом генерала Б.К. Кукеля, начштаба войск Восточной Сибири. В 20 лет был произведен в есаулы (равнозначно армейскому капитану), получил орден Св. Станислава третьей степени. Либеральный начальник постарался привлечь молодого офицера из столицы к работе над реформами, назначив его чиновником по особым поручениям, и тот лелеял надежду, что своей административной деятельностью сможет принести пользу обществу. Но вскоре все встало на свои «казенные» места: Кукеля по доносу отозвали, и на Сибирь распространилось реакция после либеральных реформ, начало которой камер-паж Александра II успел прочувствовать в столице.

К счастью для Кропоткина и отечественной науки, он замечательно реализовался в другом амплу государственной службы – в экспедициях. «Хочу путешествовать», – заявил выпускник Пажеского корпуса начальствовавший над военно-учебными заведениями вел. кн. Михаилу Николаевичу, объясняя свой неординарный выбор. В конце жизни, подводя итог страсти к путешествиям, Кропоткин формулировал программу подготовки географов: с пробуждения желания исследовать и «духа бродяжничества с научной целью» до смелости обобщений, «вместе с их *научно-индуктивной* обоснованностью»⁶.

70 тыс. верст по сибирской и дальневосточной тайге, лесам и болотам, горным перевалам и рекам навсегда остались в памяти Кропоткина, запечатлелись они и на географических картах, и в исторических анналах российской науки. Изведал он и восторг перед необъятными просторами, и экстаз землепроходца, первым вступившего туда, где еще «не было цивилизованного человека», когда осознаешь, что, «рисую карту этой неизвестной местности, приобщаешь ее к культурному миру» [Переписка 1933 т. 2, с. 21]. Неслучайно эти без малого пять лет он называл самыми счастливыми.

---

6. В.П. Семенову-Тянь-Шанскому 8 сентября 1920 [Кропоткин Письма].

Кропоткин стал профессиональным исследователем природы, и это, резюмировал биограф, можно считать главным результатом сибирского периода жизни [Маркин 2002, с. 97]. География в широком смысле природо- и обществоведения навсегда сделалась спутницей его жизни. Став членом Русского географического общества и знакомясь с материалами изучения страны, он вынашивал мысль составить полное географическое описание России, очертив «различные формы хозяйственной жизни» [там же, с. 127]. Задумался и об изучении Арктики. Предсказав существование архипелага, названного Землей Франца-Иосифа, Кропоткин разработал и обосновал проект экспедиции в полярные широты. И отнюдь не лишено оснований предположение биографа, что реализация этого плана увлекла бы Кропоткина на стезю продолжения научно-исследовательской деятельности [там же, с. 148]. Напротив, отклонение его в бюрократических инстанциях сделалось еще одним мотивом обращения Кропоткина к политике.

Придя к выводу о порочности государственного устройства Российской империи, Кропоткин в поисках альтернативы отправляется за рубеж, «познакомиться с тем, что пишут современные социалисты», как объяснял брату. Он штудирует литературу, не доходившую до России; но главным в формировании его мировоззрения оказалось общение с членами Юрской федерации Интернационала, поддерживавшей М.А. Бакунина. При характерной «сальтовитальности» потребность в непосредственном общении с носителями определенных взглядов, эмоциональная связь с ними становились для Кропоткина едва ли не более значимыми, чем формулирование подобных взглядов в философских трактатах и научных трудах.

Именно благодаря общению с ремесленниками-часовщиками из Юрского района Швейцарии будущий классик анархизма обрел социалистическую идеологию в ее анархистской разновидности. Справедливо обращается внимание на специфику ремесленного производства, контрастирующую с заводским производством, работники которого, «выварившиеся в фабричном котле», выполняющие единственную рабочую операцию и превратившиеся в придаток машины, оказались действующими лицами марксистских теорий [Дамье, Рублев 2022, с. 160]. Для Кропоткина целостность производственного процесса, в котором сливались воедино все рабочие операции, и самостоятельность производителя в распоряжении своим трудом становились идеальным образом трудящегося человека. А цеховая организация ремесленного производства и автономный образ жизни цеховой общины сделались образцом общества будущего.

1870-е годы оказались этапными в жизни Кропоткина: утвердившись в социалистическом образе мысли и обретя анархистские идеалы, он становится революционным агитатором – искусным оратором и не менее талантливым публицистом. Какие цели ставил Кропоткин на этой стезе? В его публицистике

на самом видном месте формула «сам народ» – который должен осознать необходимость революции, ее социалистические цели и т.п. Его вера в народ кажется безграничной, сближаясь с феноменом чудесного спасения.

Так, А.И. Герцена, испытывавшего тяжелую депрессию после поражения революции 1848 г. и семейной трагедии, в представлении Кропоткина, «спасла вера в народ... в творческие силы народа»⁷. Притом метафора богоспасения обретала вполне конкретный вид политических задач. Интеллигенция, призывавшая народ к идеалам свободы, равенства и братства и погибавшая «без стога, без упрека ради торжества своих идеалов», не смогла выработать формы для «народной социальной республики», что и стало, как в 1793 г., причиной поражения социального движения. И Герцен, по Кропоткину, понял, что искать эти формы «надо в народе, с народом»⁸.

Тем не менее классик анархизма, отстаивавший прерогативу самосознания масс, не менее отчетливо выступал за их просвещение. В целях пробуждения от гнета покорности и «летаргии отчаяния», ясного понимания целей борьбы и, в конечном итоге – преобразования разрушительной энергетики стихийного выступления в созидательную деятельность. В магистральном историческом труде по Великой французской революции Кропоткин выдвинул программный постулат своей теории революции: «Если нищета и отчаяние толкали народ к бунту, то надежда на улучшение вела его к революции» [Кропоткин 1979, с. 19]. Откуда же приходит народу надежда? От прогрессивной интеллигенции! Применительно к революции XVIII в. – от философов Просвещения. Идеи равенства и верховенства Закона, призыв к уничтожению сословных привилегий и упразднению учреждений, на них основанных могли, по убеждению Кропоткина, вдохновить народ [там же, с. 7].

В конце жизни Петр Алексеевич возлагал свои надежды на развитие профсоюзного и кооперативного движений. Однако признавал: их активисты «еще не сознают предстоящей им будущности... не прониклись социалистическим идеалом (курсив мой. – А. Г.)». И «орудиями коммунистического преобразования общества» они могут стать, если «вдохнуть живую силу в оба эти движения, – оформить, разработать, обосновать их», – писал он единомышленнику. Вновь, видим, обращается внимание на внешнее идеологическое и организационное «сопровождение» массового движения, разумеется при сотрудничестве с теми, кто приходит «из недр рабочих и крестьянских»⁹.

Функцию политического просвещения Кропоткин брал и на себя лично. Не зря И.Т. Смилга назвал его «культуртрегером» [Переписка 1933 т. 2, с. 7]. По собственным словам Петра Алексеевича, он «всегда старался быть «куль-

---

7. Кружку им. Герцена в Лондоне. 4 апреля 1912 г. [Письма].

8. Там же.

9. А.М. Атабекяну 2 мая 1920 [Кропоткин Письма].

турником», т.е. насадителем «знания», одновременно оставаясь революционером, и не брезгал такими большими работами, как разработка истории Французской Революции (и истории человечества вообще) с народнической точки зрения, – зная, что именно *знающие* рабочие будут наилучшими революционерами»¹⁰.

Исповедуя бунтарство в бакунинском стиле и прокламируя апологию стихийности, Кропоткин исподволь разрабатывал концепцию подготовительного периода к революции и преобразования общества как процесса (а не одномоментного акта). Поворот в его творчестве произошел на рубеже XIX–XX вв., когда от пропаганды революционно-анархистских идей Кропоткин перешел к тому, что считал научным обоснованием анархизма. При этом он вышел за пределы проблематики и концептуальности классически-бакунинского анархизма. Неслучайно искушенный в анализе идей русский философ А.И. Введенский, сравнивая ранние пропагандистские сочинения Кропоткина с теоретическими работами позднего времени, различил «двух авторов»: «ярко выраженного революционного утописта» и «идеолога эволюции самого общества на основе воспитания людей в духе творческой и сознательной инициативы»¹¹.

Наиболее выразительным свидетельством такого поворота явилось выдвигание принципа поступательности солидаристских отношений в природе и обществе («биосоциологический закон взаимопомощи» [Кропоткин 2011]). Здесь в полной мере проявился эволюционизм мировоззрения Кропоткина, и на первый план в качестве исторического континуитета вышла кумулятивность форм и установлений социальности от одной эпохи к другой.

Такой подход вызвал острую критику еще при жизни Кропоткина, продолжается она по сию пору. Нередко видят здесь основание идеализировать происходящее, в частности находить «тягу к свободе и справедливости... где ее вовсе не было» [Дамье, Рублев, с. 408]. Думаю, дело не в возрасте, на который указывают биографы, не в личной склонности их персонажа и не в особенностях его научного метода. Как бы это ни звучало тавтологией, идеализация проистекает от отставивания идеала, а «вопросу о должном» у анархиста, по словам философа И.А. Ильина, подчинено «познание сущего, предречение будущего, изучение прошлого». Становится крайне затруднительным изолировать познавательный процесс от такого влияния. Кропоткин со «свойственной ему чуткостью и тонкостью» указывает на явления, «не замеченные ранее и верно им схваченные»; однако порой возникает ощущение «почти незаметной

---

10. Н.А. Рубакину 27 марта 1913 [там же]. Курсив Кропоткина.

11. Введенский А.И. Анархизм и религия [Анархизм 2015, с. 291].

сдвинутости в его утверждении, переливающаяся иногда в прямую тенденциозность»¹².

Что же заметил и «схватил» Кропоткин, как это выразилось в эволюции его взглядов? Произошло то, что С.Ф. Ударцев охарактеризовал «осознанием Кропоткиным реально происходивших процессов» [Ударцев 1989, с. 80]. Началась Первая мировая война, и революционный мыслитель одним из первых оценил ее эпохальный смысл: «Теперьшняя война творит новую историю. Она всем народам ставит новые условия общественного строительства» [Кропоткин 2009, с. 496]. Самому Петру Алексеевичу возникшая ситуация продиктовала поворот в политическом мышлении, что отчетливо выразилось в изменении его отношения к государству. Сохраняя преданность анархистским идеалам безгосударственности, революционный мыслитель выступил с защитой национальной государственности и подчеркнул значение сохранения таковой для успеха социальной революции.

Для историков, пишут В.В. Дамье и Д.И. Рублев, в «оборонческой» позиции Кропоткина видится некая «загадка»: «с чего вдруг» пламенный защитник анархической доктрины неприятия всякой, в том числе демократической государственности, столь же бескомпромиссно выступил в ее защиту [Дамье, Рублев 2022, с. 569]. И надо отдать должное биографам: непонятая многими кропоткинистами, непринятая большинством «однопартийцев» «оборонческая» позиция становится в их изложении вполне логичной в развитии взглядов Кропоткина на войну.

Кропоткин – противник всяких войн не только по гуманным соображениям, но еще из-за неизбежного подъема националистических настроений, что губительно для интернационального сплочения трудящихся и социальных движений. Притом прекрасно понимает, что остановить боевые действия антивоенными воззваниями и призывами к всеобщей забастовке, чем занялось большинство анархистских деятелей, нереально. Категорически отвергает пораженческие лозунги заодно с доктриной превращения империалистической войны в гражданскую, популярной среди левых у анархистов и социал-демократов. Не принимает он и тезис левых о равной ответственности всех сторон за развязывание войны.

Не задумываясь, Кропоткин встает на защиту Франции. Оценивая эту позицию, любят писать о его «франкофильстве» и «германофобии». Действительно, подобно многим русским людям того времени, Петр Алексеевич находился под обаянием французской культуры. Как политику Франция была дорога русскому революционеру своей историей. Однако решали другие мо-

---

12. Ильин И.А. Предпосылки анархизма (Психологический очерк) [Анархизм 2015, с. 182].

тивы. За десятилетия вперед Кропоткин предвидел, что экспансионистский курс правящих кругов Германии, полагающихся на мощь своих вооруженных сил, приведет к войне. Профессиональный военный, он реально оценивал превосходство последних, выявившееся в 1870 г. и подтвердившееся в 1914 г., когда германское нашествие было остановлено на подступах к Парижу («чудо на Марне»). Быть против драки, не значит «стоять сложа руки, когда злой и сильный бьет слабого» [Кропоткин 2009, с. 493], – популярно объяснял он свою позицию.

И переводил разговор в теоретическую плоскость. Войну республиканской Франции с Германской империей Кропоткин представлял цивилизационным конфликтом, «столкновением двух враждебных миров – двух цивилизаций». Одна, глубоко демократическая, другая – воплощение имперского господства, которое привело бы к «порабощению всей европейской культуры задачам военного преобладания» [Талеров 2021, с. 129]. Торжество Германии, писал Кропоткин, «значило бы приостановку на долгие годы той цивилизации, носителем которой была Франция» [Кропоткин 2009, с. 485–486].

Следует ли утверждать, что Кропоткин «изменил сам себе» [Дамье, Рублев 2022, с. 574], выступив в защиту Франции на стороне Антанты? Верней формулировка, что он «изменялся», иначе говоря, в его взглядах появлялись новые элементы в результате осмысления радикально изменившейся со времени усвоения идей анархизма ситуации [см. Талеров 2016, с. 193]. Кропоткин оставался приверженцем социальной революции, притом что во время Первой мировой наибольшей опасностью для нее полагал наступление реакции на «полстолетия, если не боле» в случае победы Германии [Кропоткин 2009, с. 485–486].

Отстаивание национального единства в отпоре германскому нашествию явилось для Кропоткина-революционера закономерным решением. Вовсе «не мирить всех со всеми» [Дамье, Рублев 2022, с. 647] намеревался Петр Алексеевич в 1917 г. Его целью было объединение тех сил, что поддержали свержение царизма; в таком объединении он видел преграду для реставрации монархии и залог нового государственного устройства России. И его предложение на московском Государственном совещании в августе 1917 г. провозгласить Россию республикой было поддержано овацией представительной и поляризованной по политическим взглядам публики, собравшейся в Большом театре.

В основу республиканского устройства России Кропоткин выдвигал федеративный принцип как альтернативу «балканизации», распаду страны на национальные государства. П.Н. Милюков обнаружил, что в поздних работах Кропоткина анархо-социалистический «идеал отодвигался в такую бесконечную даль, что между ним и его осуществлением образовывался громадный промежуток», в результате в нем, по мнению тогдашнего лидера кадетов,

«оставалось место и для самых смелых исторических конструкций – в будущем, и для житейского компромисса – в настоящем» [Миллюков 1991, с. 154].

Поистине, «смелой» для анархиста «исторической конструкцией» сделалось толкование перехода к безгосударственности через период демократической федеративной государственности. Переосмысливая итоги революций прошлого, Кропоткин обращал теперь внимание на фундаментальное значение политической демократии (прежде всего свободы слова, прессы, объединений и демонстраций) – всего того, что в надежде на обретение высшей социальности революционным актом анархисты, заодно с марксистами-ленинцами, с роковыми для себя и страны последствиями не осознали в должной мере. Зловещие явления диктатуры, установившейся в России после Октября 1917 г. и ознаменовавшейся ликвидацией политических свобод, завоеванных при свержении самодержавия, направили мысль Кропоткина к переоценке прежних взглядов и в этом направлении.

Мыслитель указывает учредителям «пролетарской диктатуры» на преемственность между социалистической и так называемыми буржуазными революциями. Завоевания революций прошлых веков в Нидерландах, Англии, Франции, пишет он, сделали возможным «умственный прогресс в Европе, положили начало низвержению идолов религии и власти и подготовили ту самую пролетарскую революцию, которой защитником и руководителем считает себя Советское правительство»¹³.

В обращениях к большевистскому руководству ветеран революционного движения откровенно излагал свое отношение к Советской власти. Оно глубоко двойственное. Одобрив цель Октябрьской революции, Кропоткин категорически отвергает средства, используемые властью. «Стремление совершить социальный переворот, – пишет он, – общая цель всей нашей социалистической и анархической работы за последние 40–50 лет». И при всех недостатках и непоследовательности революция в России «набросает программу изменений в социалистическом направлении, которые... будут происходить в разных странах в течение следующих 100–120 лет... Но метод, которым большевики думают совершить переворот, из центра, якобинскую властью и террором, я считаю безусловно ложным»¹⁴.

Сугубое возмущение Кропоткина вызывало запрещение всех небольшевистских печатных изданий: «Целая страна низводится на степень рабского безмолвия». Он предостерегает: «Уничтожение вольного почина во всей жизни страны, хозяйственной и политической и даже в выражении мысли, неизбежно, роковым образом ведет... к глубокой реакции на несколько деся-

---

13. С.Л. Мильнеру 6 февраля 1919 [Кропоткин Письма].

14. С.Л. Мильнеру 6 марта 1919 [там же].

тилеть»¹⁵. Когда перед Советской властью встал вопрос о нормализации отношений с европейскими странами, классик анархизма популярнейшим образом объясняет, что ликвидация свободы печати в советской России является препятствием: «Право выражать свои мысли, свои убеждения и свою критику правительства словом и в печати, представляет на Западе такое ценное завоевание; из-за него столько было пролито крови, что оно считается основным положением всякой не-тиранической государственности»¹⁶.

Одновременно Кропоткин протестовал против интервенции Антанты. «Такое вмешательство, – писал он датскому литератору Георгу Брандесу, – имело бы своим последствием взрыв русского шовинизма; оно привело бы нас опять к шовинистической монархии и вызвало бы среди русских – заметьте это особенно – враждебное отношение к Западной Европе, чреватое печальными последствиями»¹⁷.

Был ли поздний Кропоткин в «разладе с эпохой»¹⁸? Таким было почти единодушное мнение не только большевиков, но и анархистов. Нестор Махно, а вслед за ним немало авторов работ о Кропоткине, ссылаются на старость и состояние здоровья, которые предположительно ослабили его революционный дух. Более основательно объяснение тактическими соображениями. Вероятно, политической тактикой можно отчасти объяснить переход на центристские позиции, выразившийся в поддержке Временного правительства. Важнее, однако, обратить внимание на представление о сложности переходного периода, которое укрепились у Кропоткина после Октября 1917 г.

«Одномоментная» социализация общества обманула ожидания той революционной среды, к которой принадлежал Кропоткин, а дальнейшие действия большевистской диктатуры на путях огосударствления общественной жизни и бюрократизации Советов, не говоря уже о терроре, его глубоко возмутили, о чем он прямо заявил вождю большевиков: «Если бы даже диктатура партии была подходящим средством, чтобы нанести удар капиталистическому строю (в чем я сильно сомневаюсь), *то для создания нового, социалистического строя она безусловно вредна*». Если такое положение продлится, «самое слово "социализм" обратится в проклятие», как произошло с понятием равенства во Франции после Террора, предупреждал Кропоткин¹⁹.

Кропоткин не только возмущался. Глубоко проникаясь человеческими страданиями из-за воцарившихся в стране голода и разрухи, в полной мере лично испытывая эти бедствия, он указывал на губительные последствия

---

15. С.Л. Мильнеру 6 февраля 1919 [Кропоткин Письма].

16. С.Л. Мильнеру 6 марта 1919 [там же].

17. Георгу Брандесу 28 апреля 1919 [там же].

18. Таким было заключение И.Т. Смилги [Переписка 1932 Т. 1. С. 20–21].

19. В.И. Ленину 4 марта 1920 [Кропоткин Письма].

политики «военного коммунизма». И, прорицая переход к НЭПу, буквально заклинал правителей страны: во избежание катастрофы «нужно торопиться с переходом к более нормальным условиям жизни». Теоретик строя, названного им «анархо-коммунистическим», выдвигал принципиальную альтернативу партийной диктатуре – «строительство снизу», развитие общественной инициативы, широкое привлечение к устройению нового уклада жизни «местных сил», самих крестьян и рабочих²⁰.

«Я глубоко верю в будущее», – обращался Петр Алексеевич к ближайшему соратнику, излагая свой прогноз на будущее, больше похожий на политическую программу. В своеобразный «символ веры» входили профсоюзное движение, крестьянская кооперация, федерализм. Первое с центром во Франции, по убеждению Кропоткина, «выступит великою силою в течение ближайших 50-и лет, чтобы приступить к созданию коммунистического безгосударственного общества». «Творческое ядро коммунистической жизни» представит в такой временной перспективе также кооперация «и именно *русское, крестьянское* кооперативное движение», подчеркнул Кропоткин (притом, что к создававшимся в то время в России коммуна он относился скептически). Федерализм, оптимальный для перехода к безгосударственности, ему виделся в малых государствах. Народы таких стран, избавившись от опасности завоевания (урок мировой войны), избавятся и от необходимости быть частью мощного централизованного государства, а это облегчит им путь к преобразованию в коммуны, объединяющиеся в «федеральные союзы»²¹.

Легко находить противоречия между ранним и поздним Кропоткиным, пропагандистом и теоретиком, интернационалистом и патриотом, апологетом безгосударственности и вдумчивым аналитиком различных типов государственности. Так выделяются лишь отдельные грани феномена многогранности, которую являла натура выдающегося политического деятеля.

Кропоткин – не только непартийное, но, хочется сказать, вневременное явление. Его энциклопедизм типичен для эпохи Просвещения, в российском революционном движении князь-рюрикович, камер-паж императора выглядел бы более органично на дворянско-декабристском этапе. В пору диктатуры отстаивал демократию. В отношении к научно-техническому прогрессу провидец постиндустриального общества. Невероятно сложно было Петру Алексеевичу с его верой в человека и нравственный прогресс человечества оставаться собой в эпоху войн и революций. И все же в дикой схватке массовых страстей он сохранил врожденное благородство души и трезвость ума, оставшись образцом высокой нравственности и тонченной духовности.

---

20. В.И. Ленину 4 марта 1920 [Кропоткин Письма].

21. А.М. Атабеяну 2 мая 1920 [там же].

И соратники (в большинстве), и оппоненты (немало) Кропоткина признавали удивительную целостность всего облика и гармоничность его личности: «В душе Кропоткина противоречие просто не чувствовалось; оно не мешало равновесию, гармонии, которыми было проникнуто всё его существо» [Милуков 1991, с. 154].

Библиография

- Анархизм: pro et contra. Антология / П.И. Талеров, сост., вступ. ст., коммент. СПб.: РХГА, 2015. 1142 с.
- Апология безвластия. Анархистская альтернатива решения социально-политических проблем / ред. П.И. Талеров. СПб.: РХГА, 2022. 428 с.
- Боровой А.А. Революционное мирозерцание. Общественные идеалы современного человечества: Либерализм. Социализм. Анархизм / предисл. П.В. Рябова. М.: URSS; Ленанд, 2019. 184 с.
- Гранд А. Человек – человеку муравей. URL: <https://gorky.media/reviews/chelovek-cheloveku-muravej/> (дата обращения: 15.04.2023).
- Дамье В.В., Рублев Д.И. Петр Кропоткин: Жизнь анархиста. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 664 с.
- Киянская О.И. Пестель. М.: Молодая гвардия, 2005. 355 с.
- Кравченко (Кропоткина) Е.А. О себе, семье, соседях и мятежном брате: Воспоминания / подгот., ред. и коммент. П.И. Талеров. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Изд-во РХГА, 2023. 323 с.
- Кропоткин П.А. Великая французская революция 1789–1793 / Примеч. А.В. Гордона, Е.В. Старостина. Ст. В.М. Далина, Е.В. Старостина. М.: Наука, 1979. 576 с.
- Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса / предисл. А.Ю. Фёдорова; вступ. ст. М.И. Гольдсмит; прилож. Д.И. Рублёва. Изд. 2-е, доп. М.: URSS, 2011. 278 с.
- Кропоткин П.А. Записки революционера / Предисл., примеч. В.А. Твардовской. М.: Московский рабочий, 1988. 544 с.
- Кропоткин П.А. Избранные труды / сост., коммент. П.И. Талерова, ст. П.И. Талерова, А.А. Ширинянца. М.: РОССПЭН, 2009. 896 с.
- Кропоткин П.А. Письма. 1911–1920. /подгот. А.В. Бирюков. URL: <http://oldcancer.narod.ru/Nonfiction/PAK-Letters91.htm> (дата обращения: 8.06.2023).
- Кропоткин П.А. Письма из Восточной Сибири / сост. и вступ. ст. В.А. Маркина. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1983. 190 с.
- Маркин В.А. Неизвестный Кропоткин. М.: Олма-пресс, 2002. 446 с.
- Маркин В.А. Кропоткин. М.: Молодая гвардия, 2009. 334 с.
- Маслова Л. Петровский пассаж. Как потомок древней княжеской семьи стал отцом анархизма. Подробности жизни Петра Кропоткина в новой биографии великого бунтаря. URL: <https://iz.ru/1333980/lidiia-maslova/petrovskii-passazh-kak-potomok-drevnei-kniazheskoi-semi-stal-ottcom-anarkhizma/> (дата обращения: 15.04.2023).
- Милуков П.Н. Воспоминания / предисл. Н.Г. Думовой. М.: Госполитиздат, 1991. 528 с.
- Мокроусов А. Князь-бунтовщик. Вышла новая биография Петра Кропоткина // Коммерсантъ. 2022. 28 июня. №113. С. 11.
- Переписка Петра и Александра Кропоткиных / Предисл. И. Смилги. Ред., примеч., вступ. ст. Н. Лебедева. В 2-х т. М.; Л.: ACADEMIA, 1932–1933. Т. 1. 1857–1862. Т. 2. 1862–1871.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Рублёв Д.И., Рябов П.В. Алексей Алексеевич Боровой: человек, мыслитель, анархист // Россия и современный мир. 2011. № 2. С. 221–239.

Талеров П.И. Классический анархизм в теории и практике российского революционного движения. 1860-е – 1920-е гг. СПб.: Институт иностр. языков, 2016. 480 с.

Талеров П.И. П.А. Кропоткин о войне: этический и правовой аспекты // Нравственно-гуманистические идеи П.А. Кропоткина и перспективы совершенствования права в условиях новых вызовов. М.: Проспект. 2021. С. 125–136.

Ударцев С.Ф. Кропоткин. М.: Юрид. лит. 1989. 144 с.

References

Anarkhizm: pro i contra. Antologiya [Anarchism: pro et contra. Anthology] / sost., vstup. st., komment. P.I. Talerova. Sankt-Peterburg: RHGA, 2015. 1142 s. (In Russ.)

Apologiya bezvlastiya. Anarkhistsaya al'ternativa resheniya social'no-politicheskikh problem [Apology of anarchy. An anarchist alternative of the solution of social political problems / red. P.I. Talerov. Sankt-Peterburg: RHGA, 2022. 428 s. (In Russ.)

Borovoj A.A. Obshchestvennyye idealy sovremennogo chelovechestva: Liberalizm. Socializm. Anarkhizm [Revolutionary outlook. Social ideals of modern humanity: Liberalism. Socialism. Anarchism] / predisl. P.V. Ryabov. Moskva: URSS, 2019. 184 s. (In Russ.)

Dam'ye V.V., Rublev D.I. Petr Kropotkin. Zhizn' anarkhista [Piotr Kropotkin. The life of an anarchist]. Moskva: Al'pina non-fiction, 2022. 664 s. (In Russ.)

Grand A. Chelovek – cheloveku muravej [Man vs man ant]. URL: <https://gorky.media/reviews/chelovek-cheloveku-muravej/> (date of access: 15.04.2023). (In Russ.)

Kiyanskaya O.I. Pestel' [Pestel]. Moskva: Molodaya gvardiya. 2005. 335 s. (In Russ.)

Kravchenko (Kropotkina) E.A. O sebe, sem'e, sosedyakh i myatezhnom brate: Vospominaniya [About myself, family, neighbours and rebellious brother: Memoirs] / podgot., red. i comment P.I. Talerov. Sankt-Peterburg: Isdatel'stvo RHGA, 2023. 323 s. (In Russ.)

Kropotkin P.A. Izbrannye trudy [Selected works] / sost., komment. P.I. Talerova, st. P.I. Talerova, A.A. Shirinyantsa. Moskva: ROSSPEN, 2009. 896 s. (In Russ.)

Kropotkin P.A. Pis'ma [Letters] 1911–1920 / podgot. A.V. Birykov URL: <http://oldcancer.narod.ru/Nonfiction/PAK-Letters91.htm> (date of access: 8.06.2023). (In Russ.)

Kropotkin P.A. Pis'ma iz Vostochnoj Sibiri [Letters from East Syberia] / sost. i. vstup. st. V.A. Markina. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1983. 190 s. (In Russ.)

Kropotkin P.A. Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya 1789–1793 [The Great French Revolution 1789–1793] / Primech. A.V. Gordona, E.V. Starostina. Stat'i V.M. Dalina, E.V. Starostina. Moskva: Nauka, 1979. 576 s. (In Russ.)

Kropotkin P.A. Vzaimnaya pomoshch' sredi zhivotnykh i lyudey kak dvigatel' progressa [Mutual assistance among animals and people as an engine of progress] / predisl. A.Yu. Fedorova, vstup. st. M.I. Gol'dsmit, prilozh. D.I. Rubleva. Isd. 2 dop. Moskva: URSS, 2011. 278 s. (In Russ.)

Kropotkin P.A. Zapiski revolyutsionera. [Memoirs of a Revolutionist] / Predisl., primech. V.A. Tvardovskoy. Moskva: Moskovskij rabochij, 1988. 544 s. (In Russ.)

Markin V.A. Kropotkin. Moskva: Molodaya gvardiya, 2009. 334 s. (In Russ.)

Markin V.A. Neizvestnyy Kropotkin [Unknown Kropotkin]. Moskva: Olma pres, 446 c. (In Russ.)

Maslova L. Petrovskij passazh. Kak potomok drevnej kniazheskoj sem'i stal otcom anarkhizma. Podrobnosti zhizni Petra Kropotkina v novoj biographii velikogo buntaria [Peter's passage. How a descendant of an ancient princely family became the father of anarchism. Details of the life of Peter Kropotkin in the new biography of the great rebel]. URL: <https://iz.ru/1333980/lidiia-maslova/>

petrovskii-passazh-kak-potomok-drevnei-kniazheskoi-semi-stal-ottcom-anarkhizma/ (date of access: 15.04.2023). (In Russ.)

Miljukov P.N. Vospominaniya [Memoirs] / predisl. N.G. Dumovoj. Moskva: Gospolitizdat, 1991. 528 s. (In Russ.)

Mokrousov A. Knyaz'-buntovshchik. Vyshla novaya biografiya Petra Kropotkina [Rebel prince. New biography of Peter Kropotkin published]. Kommersant. 2022. N 113. S. 11. (In Russ.)

Perepiska Petra i Aleksandra Kropotkinikh [Correspondence of Peter and Alexander Kropotkin] / Predisl. I. Stuchki. Red., primech., vstup. st. N. Lebedeva. V 2-kh t. Moskva; Leningrad: Akademiya, 1932. T. 1. 1857–1862. 1933. T. 2. 1862–1871. (In Russ.)

Rublev D.I., Ryabov P.V. Aleksey Alekseyevich Borovoj; chelovek, muslitel' anarchist [Alexey Alekseevich Borovoy: man, thinker, anarchist] Rossiya i sovremenyj mir. 2011. N 2. S. 221–239. (In Russ.)

Talero P.I. Klassicheskiy anarkhizm v teorii i praktike rossiyskogo revolyutsionnogo dvizheniya. 1860-ye – 1920-ye gg. [Classical anarchism in the theory and practice of the Russian revolutionary movement. 1860s–1920s]. Sankt-Peterburg, 2016. (In Russ.)

Talero P.I. P.A. Kropotkin pro voynu: eticheskiy i pravovoy aspekty [Kropotkin about the war: ethical and legal aspects] // Nравstvenno-gumanisticheskiye idei P.A. Kropotkina i perspektivy sovershenstvovaniya prava v usloviyakh novykh vyzovov [Moral and humanistic ideas of P.A. Kropotkin and prospects for improving the law in the face of new challenges]. Moskva, 2021. S. 125–136. (In Russ.)

Udartsev S.F. Kropotkin. Moskva: jurid.lit. 1989. 144 s. (In Russ.)